

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

Сдать оружие, очистить помещение. Коротко и ясно. Новый хозяин завода трясет постановлением суда, рядом с ним скучает начальник городской милиции — гарант его полномочий. И еще омоновцы в масках и с автоматами. Против такой силы не попрешь. Да и зачем? Ведь завод этот никогда не принадлежал Аркадию Одинцову, он здесь всего лишь начальник караула, и нет у него иного выхода, как подчиниться этим требованиям. А там уж пусть бывшие хозяева разбираются, насколько они законны.

— Я все понял, полковник, — сумрачно глянув на грозного милицейского начальника, с внешней невозмутимостью сказал Одинцов. — Кому оружие сдать?

— Оружие примем по описи, — также исподлобья смотрел на него полковник.

Он был такого же крупного телосложения, как и Аркадий, широкоплечий, тяжеловесный, но все-таки жиру в нем было больше, чем мышечной массы. Полные щеки, двойной подбородок, пивной живот. По части лишнего веса Одинцов имел значительно более скромный вид.

— А в караул назначим своих людей, — беспокойно сказал новый владелец завода.

Он решил, что вопрос решен, и вместе с полковником покинул караульное помещение. У них еще полно работы — обойти весь завод, установить новые порядки... А Одинцов разоружил караул и отправил своих людей по домам, после чего, разобравшись с оружием, и сам последовал за ними. Старую работу он потерял, а новую ему никто не предложил. Но ничего, он обязательно что-нибудь придумает. К тому же пенсия у него военная, первое время можно жить на нее...

Не так давно Аркадию исполнилось тридцать девять лет, но на пенсию его отправили еще два года назад. Девятнадцать лет календарной выслуги и двадцать четыре — льготной. И на Дальнем Востоке приходилось служить, где год засчитывается за полтора, и в Чечне воевать... Он мог бы служить до сорока пяти лет, но их полк сократили, а на новое место службы он ехать не захотел из-за служебного жилья, которое мог потерять. А так он уволился по сокращению штатов, и отличная двухкомнатная квартира перешла в собственность его семьи.

Мрачные коробки заводских цехов, их дымящие трубы остались позади. Одинцов не оборачивался, он смотрел только вперед, и настроение худо-бедно поднималось. Погода ясная, по-весеннему теплая и комфортная, природа оживает под звуки птичьих оркестров. Ветви деревьев еще голые, на газонах много мусора после только что сошедшего снега; на дорогах и тротуарах — пыль, опять же последствия прошедшей зимы, когда приходилось посыпать

лед песком. Но порядок на улицах наведут, деревья и бордюры побелят. И с работой у Аркадия наладится. Охранники сейчас везде требуются, а с опытом работы — тем более. А можно и более прибыльным делом заняться — например, евроремонт в квартирах делать. Руки у него откуда надо растут, и ремонт в собственном доме это подтвердил... Было бы желание, а работа найдется.

А желание у него есть. Потому что дочь растет. И жена молодая. Всего двадцать семь лет ей. Может, она и не самая требовательная из женщин, но к обустроенному быту стремится, как все. Да и сам Аркадий считал, что у них не должно быть хуже, чем у других...

Ему было двадцать девять лет, когда он познакомился с Ритой. Бравый молодой майор с орденом на груди, командир батальона, за плечами — война, впереди — блестящие планы. Он всерьез тогда рассчитывал к тридцати пяти годам закончить военную академию и стать командиром полка, к сорока — возглавить как минимум дивизию и получить первое генеральское звание. Был он тогда солдатом, в ранце которого лежал маршальский жезл. Сияние этого жезла вдохновляло его самого и заворожило Риту, с которой он познакомился на дискотеке в своем родном поселке. Ей было тогда всего семнадцать, и она тоже строила планы на светлое будущее. А еще она мечтала о карьере фотомодели, и ее внешность позволяла надеяться на успех. Но бравый майор Одинцов очаровал ее и увез в дальний гарнизон, чтобы со временем отправиться с ней в Москву на генеральскую должность...

А потом грянула чеченская война. Одинцов получил еще одну звезду на погон и отправился в Дагестан во главе сводного батальона. Это вместо академии. Воевал, заслужил еще два ордена, но выше комбата так и не поднялся. И полковником не стал. Получил назначение в новую часть, но опять же на должность командира батальона. С нее же и уволился в запас. Маршальский жезл пришлось выбросить на свалку за ненадобностью...

Зато у него есть квартира в большом индустриальном городе, молодая жена-красавица, дочь-умница. Новую работу он обязательно найдет. И тридцать девять лет — это еще далеко не преклонный возраст. Генералом ему не стать, зато впереди тихая и, главное, счастливая жизнь. И жена его любит, и воевать ему не надо, рискуя своей жизнью. Так что все хорошо. Ну, относительно хорошо...

Одинцов не стал звонить жене, говорить, что его смена уже закончилась, едва успев начаться. Она на работе, и ей вовсе не обязательно знать о его проблемах. Вернется вечером домой, и он ей все объяснит.

Рита на работе, дочь в школе, дома никого нет, поэтому Одинцов не стал жать на клавишу звонка, а сразу же полез в карман за ключами.

Переступая порог, он услышал, что в ванной шумит вода. Уж не потоп ли там?.. Быстро разувшись, он направился туда, но по пути заметил, что в спальне, в его постели, полулежит, вминая локоть в подушку, какой-то мужчина. Аркадий застыл как вкопанный, остолбенело глядя на лысого заморыша с мелкими, но резкими чертами лица. Выпуклый

морщинистый лоб, рысьи глаза, заостренный нос, раздвоенный подбородок, тонкая шея с крупным кадыком, хилые плечики, впалая грудь, руки что плети...

Непрощенный гость и сам потрясенно смотрел на него.

— Сергей Михайлович? — ошеломленно протянул он.

— Чего? — оторопело потер у себя за ухом Одинцов.

— Э-э... Ну да... Не Сергей Михайлович. Хотя похож... Очень похож... А вы, наверное, Аркадий, да?

— Где Рита? — угрожающе глянув на подозрительного незнакомца, Одинцов скосил глаза на закрытую дверь в ванную.

Страшное подозрение держало его под высоковольтным напряжением. В голове гудело как в трансформаторной будке, ноги потяжелели, приросли к полу.

— Рита?! Ваша жена?! Рита на работе. И вы должны быть на работе. Поэтому Рита ключ Тане дала, ну, своей подружке, — зачастил тот. — Мы с Таней здесь... Ну, она сейчас в ванной. Мы уже все, нам уже пора...

Он быстро вскочил с постели, стащил со стула одежду, наспех оделся, застегнув рубашку со смещением на две пуговицы. Аркадий стоял в дверях комнаты, наблюдая за ним. Дать бы пинка под зад этому прохиндею, спустить с лестницы. Но ведь он, в общем-то, не виноват, что Рита дала ключи от квартиры своей подружке. Сам однажды встречался

с женщиной в доме у ее сестры, еще когда холостым был.

С Ритой он, конечно, разберется. Чтобы она не устраивала в доме вертеп. Может, она позволяет своей подруге безобразничать так всякий раз, когда он заступает на смену... Нехорошо это. Дружба дружбой, а квартиры врозь.

— Я сейчас Таню заберу, и мы уйдем, — скороговоркой сказал незванный гость, приближаясь к двери.

Он уже собирался проскользнуть в узкий зазор между рукой Одинцова и дверным косяком, когда из ванной вышла женщина.

Аркадий глянул на нее, и внутри у него все заледенело от ужаса и возмущения. Не было никакой Тани; перед ним с мокрыми волосами, в шелковом с лилиями халате стояла его жена Рита. Она и сама не ожидала увидеть мужа, поэтому также обомлела, открыв рот.

Одинцов люто глянул на любовника своей жены. Мало того что этот никчемный заморыш наставил ему рога, так он еще и за нос его водит, двойного дурака из него делает... А ведь Аркадий попался на его уловку, чуть не позволив ему сбежать.

— Стоять!

— Ой, не надо!

Заморыш в страхе зажмурился и манерным движением поднес ладони к лицу, пытаясь закрыться от удара. Презрительно глянув на него, Аркадий вытянул руку, чтобы схватить его за шею. Не станет он бить этого недоноска, просто выбросит его с балкона. Второй этаж — это больно, но не смертельно.

Но лысый вдруг поднырнул под его руку и про-

вел встречный удар. Никак Одинцов не ожидал от него такой прыти. И не думал, что бить он может так сильно. А ударил лысый плотно сомкнутыми костяшками пальцев точно в кадык.

Удар оказался достаточно мощным, чтобы на какое-то время Одинцов потерял контроль над собой. Чувств не лишился, но на одно колено припал, не в силах удержать равновесие. Когда он пришел в себя, брать реванш уже было не над кем.

— Ублюдок, — прохрипел Аркадий, пальцами ощупывая кадык.

Уж не раздроблен ли щитовидный хрящ?.. Но нет, с этим вроде бы все в порядке. И дальше жить можно. Но как больно...

Особенно Аркадия донимала душевная боль. Мало того что потерял жену, так еще и ее любовник разделал его под орех. Какой-то жалкий прыщ взял верх над ним, боевым офицером-десантником. А ведь он с «чехами» в рукопашном бою насмерть сходиллся, да и черный пояс по карате в активе, еще с училища...

На жену он не смотрел. Стыдно было перед ней. И как мужчина он оказался никчемным. Иначе бы Рита не предпочла ему этого лысого заморыша. И как боец он ничего не стоил... Стыдно. И обидно.

Он прошел на кухню, открыл холодильник, достал оттуда бутылку водки, скрутил пробку, жадно припал к горлу. Хотя и не верил, что это средство сможет облегчить его страдания.

Аркадий разом выпил полбутылки. Сел за стол, опустил голову на грудь. Что за день сегодня? И жена изменила, и с работы погнали поганой метлой...

Ну, работа — дело наживное. Да и жену заменить в принципе можно. Но как быть с дочкой? Ведь Юля останется с Ритой, а это для него катастрофа... Да и жену он очень любит. Вернее, любил...

— Ты все не так понял, — дождавшись, когда он успокоится, сказала Рита.

Аркадий лишь выразительно махнул на нее рукой. Он все правильно понял, и пусть она не делает из него дурака. Любовник лежал в их постели, она смывала с себя его пот и похоть. Какие могут быть объяснения?

— Пойми, ничего не было.

Голос ее дрожал, предательски выдавая скрытую в нем ложь.

Одинцов мотнул головой. Не верил он жене. И она это поняла.

— Почему ты не на работе?

Аркадий глянул на нее с желчным удивлением. Похоже, она вела себя так, будто он ей все простил и теперь можно поговорить о делах менее важных, чем супружеская измена.

— Ты сама должна быть на работе. Иди, догоняй своего хоряка.

Рита работала на сталепрокатном заводе, но не в горячем цеху, а в тепличном, в отделе реализации. А ведь когда-то моделью хотела стать... Но, может, она там так перед начальством дефилирует, что и подиум ей не нужен. Села на стол, ноги задрала, раздвинулась... А ноги у нее красивые, ягодицы тугие. И чулки она предпочитает носить на силиконовой резинке. Чтобы доступней быть... Тварь!..

Одинцов ожесточенно сжал кулаки, и Рита, поняв, что лучше его не злить, вышла из кухни.

— Ты не так все понял, ничего не было, — услышал он из коридора ее голос. — Я вечером тебе все объясню... Встретишь Юлю из школы, накормишь, посмотри, чтобы она уроки сделала... Пока!..

Она ушла, тихонько закрыв за собой дверь. Как будто ничего не случилось, ушла. А вечером вернется и сделает ему выговор, если он вдруг не приготовит обед для дочери. Это, кстати, входило в его обязанности, когда он не был занят на службе. Ведь работа у него была через двое суток на третьи. Была. И жена тоже была...

Он допил бутылку. Пол-литра водки для его могучего организма — что для слона дробина. Ну, может, не одна, а целых полкило, но мелкой дробин... Легкий хмель немного разбавил душевную боль. И не помешал Одинцову на скорую руку сварить суп из тушенки. Но только на это его и хватило.

Юле было всего восемь лет. Красивая девочка, умница... Аркадий встретил ее из школы, накормил обедом, отправил учить уроки. Сам же завалился на диван. Время, говорят, лучшее лекарство от душевных ран. Но дело в том, что ему вовсе не хотелось излечиваться. Сон — это всего лишь успокоительное, и именно в этом Аркадий сейчас и нуждался...

Но заснуть Одинцов не смог. Глаза тяжелели, закрывались сами по себе, но колючий червь трепыхался в сознании, теребил нервы, отгоняя сон. Да и как можно заснуть после того, что случилось? Рита... Любимая Рита вдруг оказалась в постели с другим. И неважно, кто этот мужчина — заморыш

или атлет, урод или красавец. Жена изменила ему, и жизнь разрушена.

Скоро Рита вернется домой — если, конечно, не задержится с кем-то после работы... Вернется домой, попытается убедить Аркадия, что ничего не было. Ведь не видел же он, как она барахталась в постели, значит, можно что-нибудь придумать. Дескать, лысый проводил время с подружкой, которая только-только ушла. В магазин ушла. Или еще куда-нибудь. Но ушла, чтобы вернуться. И снова лечь в постель к своему любовнику. А Рита со скуки решила принять душ. Не хотела оставлять квартиру без присмотра, поэтому и находилась в ней, пока ее подруга предавалась разврату... Аркадий не поверит ей. Сегодня не поверит. И завтра. Но потом он захочет поверить в эту паточную ложь, и тогда Рита будет прощена. И снова возьмется за старое... А он не должен ее прощать! Иначе он не мужик...

Одинцов резко поднялся, снял со шкафа в спальне свой старый дорожный чемодан из кожзаменителя, наспех уложил свои вещи, не забыв о бритве и зубной пасте. Собравшись в дорогу, взял на руки дочь, едва сдерживая слезы, зарылся носом в ее волосы.

— Скажешь маме, что я уехал в командировку, — сказал он.

— Надолго? — настороженно посмотрела на него девочка.

Казалось, она чувствовала, что отец уезжает навсегда. Детское чутье не обманешь.

— Нет. Скоро буду.

Аркадий понимал, что если он решил уйти из се-

мы, то нужно делать это сейчас, не медля ни минуты. Еще чуть-чуть, и привязанность к дочери удержит его. Ведь он же точно знает, что девочке нужен отец...

— Пока!

Не чувствуя под собой ног, он вышел из дома, пересек двор, вышел к троллейбусной остановке. Денег у него было немного, поэтому он не позволил себе взять такси. Да и к общественному транспорту привык, поскольку никогда не имел собственного автомобиля.

Он шел вдоль дороги, приближаясь к остановке. Оглянувшись, увидел, как из-за поворота показался троллейбус. Такой же рогатый, как и он сам. Аркадий стиснул зубы, но шаг прибавил. Каким бы ни был троллейбус, а ехать на вокзал надо. И чем скорей, тем лучше.

До Москвы недалеко, на поезде — ночь пути. Завтра утром он будет уже в столице. Друг у него там, заведует крупной охранной фирмой; и должность не из последних можно получить, и с жильем проблему решить. Тем более что Аркадий неприхотливый, он и от койки в общежитии не откажется. На все согласится, лишь бы от Риты подальше...

Он уже подошел к остановке, когда сзади послышался негромкий, но резкий оклик:

— Эй, мужик!

Обернувшись, Одинцов увидел крупногабаритного парня в строгом костюме. Тот был обрит налысо, что совершенно не шло ему из-за неправильной формы головы. Шишковатый череп, лицо круглое, щекастое, а глаза маленькие, спрятанные в узкие